УДК 821.161.1 + 930.85

А.Л.Казин

СОЦИАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ 1930-Х — 1940-Х ГОДОВ

При осмыслении советской истории XX столетия следует решительно отвергнуть как тупой сталинизм в стиле «культа личности», так и патологический антисталинизм в стиле кухонного диссидентства. Конечно, сталинская диктатура не вернула России православную Империю и русскую культуру в изначальном (аутентичном) виде. Но она существенно модифицировала богоборчески-модернистскую раннюю советскую идеологию и практику, создав на деле их безразличный к отдельному индивиду, предельно жесткий, но государственно и культурно эффективный «национал-большевистский» вариант. Плодами этой политики явились Победа 1945 года и крупнейшие достижения науки и культуры зрелого СССР.

Ключевые слова: советская культура 1930-х годов, христианство, искусство, социальное и национальное

Умом Россию не понять — это знают все. Более того, с каждым новым веком своей истории она всё более эту истину подтверждает. Проще говоря, мысль о России должна быть предельно конкретной, она отвергает любые абстракции. В свое время великий немецкий диалектик Гегель написал статью «Кто мыслит абстрактно?», которую следует время от времени перечитывать всем радикалам — как русофилам, так и русофобам. Приведу небольшую выписку из неё: «Эй, старая, ты торгуешь тухлыми яйцами», — сказала покупательница торговке. «Что? — вспылила та, — мои яйца тухлые?! Сама ты тухлая! Ты мне смеешь говорить такое про мой товар! Ты? У которой отца вши заели, а мамаша якшалась с французами? <…> Короче, она не может допустить в покупательнице ни зернышка хорошего. Она и мыслит абстрактно — подытоживает в покупательнице все, начиная с шляпок, кончая простынями, с головы до пят, вкупе с папашей и всей остальной родней, — исключительно в свете того преступления, что та нашла ее яйца тухлыми. Все оказывается окрашенным в цвет этих тухлых яиц, тогда как те офицеры, о которых говорит торговка (если они вообще имеют сюда какое-либо отношение, что весьма сомнительно), предпочли бы заметить совсем иные вещи...» [1].

Если перевести этот веселый рассказ на философский язык, то придется подтвердить, что всякое одностороннее суждение о России — как положительное, так и отрицательное — ложно именно потому, что абстрактно. Легче всего взять одно («белое» или «черное») определение какого либо события или лица отечественной истории и культуры, и дать ему на этом рассудочном (а точнее сказать, обывательском) основании категорическую оценку, как это и сделала упомянутая торговка. Где уж «торговочному» рассудку додуматься, что любая вещь — и уж тем более роковые исторические события и люди — содержат в себе *множество противоречивых* определений, действий, последствий, знать и судить которые во всей полноте может только сам Творец. В начале XX века выдающийся русский богослов и философ П.Флоренский употребил для характеристики подобной ситуации термин «антиномия», означающий по-гречески противоположность в самой сущности вещей (противостояние в законе), а Н.А.Бердяев в своей книге «Судьба России» прямо писал, что Россия может быть охарактеризована только противоречиями. «Эвклидовскому» человеческому уму (ratio) действительно трудно вместить в себя единство, а иногда даже тождество указанных определений. Не случайно в Библии почти отсутствуют формально-логические (субъектно-предикатные) дефиниции: божественный Логос изъясняется большей частью притчами. Высшая Истина содержит в себе всю полноту суждений, которая для конечного ума неизбежно распадается на отдельные части. Можно до бесконечности спорить об «имени России», противопоставляя друг другу левые и правые стороны приведенных антиномий — эти споры слишком напоминали бы прения остроконечников и тупоконечников в известном романе Д.Свифта, если бы они не приводили к расколу общества и, в конечном счете, к холодным и горячим гражданским войнам. Тем более, когда в дело вступает политический радикализм, видящий истину исключительно в самом себе, в своей резкой и, как правило, непримиримой абстракции.

Главная ошибка критиков «русского исторического опыта» (как либералов, так и националистов) — это отделение личности от Бога и государства. Личность ведь не просто самодовлеющая юридическая или телесная единица. Личность в православно-русской цивилизации есть индивидуальное преломление «симфонического» (по выражению Л.П.Карсавина) образа народа. Точно так же народ не сводится к своей этнической, биологической составляющей. Исторический *большой народ* (суперэтнос) — это нация, обладающая религиозным, культурным и государственным самосознанием. По существу, именно об этом твердили все сколько-нибудь чуткие к своеобразию своего отечества мыслители XIX—XX веков, причем как традиционалисты, так и либералы. Именно К.Д.Кавелину — теоретику русского либерализма — принадлежит глубокая формулировка (правда, со ссылкой на славянофила Ю.Ф.Самарина): «В идеале русском представляется самодержавная власть, вдохновляемая и направляемая народным мнением. Сама история заставляет нас создать новый, небывалый своеобразный политический строй, для которого не подыщешь другого названия, как — *самодержавной республики*» [2].

Вот в этом всё дело. *Русское государство — это всегда Царство, не только в форме истинной народной монархии (Третий Рим), но и в модусе петербургского абсолютизма, и даже в превращенной форме советской власти — например, сталинского национал-большевизма*. Либералы и националисты согласно молчат о том, что у них идет игра на понижение человеческого образа: личность (юридическая или биологическая) оказывается абсолютной самоцелью, своего рода causa sui. Вот тут-то и выходят на поверхность парадоксы русской истории. Недаром царская, а затем советская власть держалась на Руси (сравнительно с буржуазной Европой) так долго: *православный народ предпочитал царя — а затем генсека — власти денег*.

Нравится нам это или нет, Россия — страна веры и верности (vs их нарушения), но не юридической механики «общественного договора». В классическом народном представлении московский царь, петербургский император и даже советский генсек— это сакральные религиозно-политические фигуры, стоящие рядом с патриархом (симфония властей) в деле спасения Руси, а не просто «регуляторы рынка», как это оказалось в Европе после буржуазных революций XVII—XVIII веков. Именно эту особенность «русского исторического опыта» отмечали — уже после катастрофы 1917 года — такие разные мыслители, как И.А.Ильин и П.Б.Струве. «Россия росла и выросла в форме монархии не потому, что русский человек тяготел к зависимости и к политическому рабству — писал Ильин, но потому, что государство, в его понимании, должно быть *художественно и религиозно* (курсив мой — А.К.) воплощено в едином лице — живом, созерцаемом, беззаветно любимом, и укрепляемом этой всеобщей любовью» [3]. Что касается Струве, этого бывшего «легального марксиста» и оппонента Ленина, то он прямо утверждал, что «в государстве есть, помимо социальной техники, нечто от божественного начала. В любви к государству находит выражение не материализм, а, наоборот, бескорыстное, преодолевающее заботу о личном благополучии, религиозное отношение к сменяющему друг друга на земном поприще бесчисленному ряду человеческих поколений, почтение к предкам, которых мы никогда не видели, к потомкам, которых мы никогда не увидим» [4].

Таковы глубинные метаисторические корни губительного и одновременно спасительного (антиномического) феномена советской власти, особенно её национал-большевистского периода 1930-х — 1950-х годов.

Главным архитектором СССР явился, конечно, Иосиф Сталин, построивший за три пятилетки фактически новую державу, взявшую в 1945 году Берлин, овладевшую ядерным оружием и первой вышедшую в космос. Всё это было достигнуто ценой большой крови. «Лучше было этого не делать?» — это мы слышали от людей, предлагавших сдать Ленинград и Москву Гитлеру по примеру Парижа. «Надо было действовать иначе, другими методами?» К сожалению, история сослагательного наклонения не имеет. К сожалению, в России *не нашлось других социально-политических сил*, которые осуществили бы воссоздание страны после либерально-революционного разгрома другими, более гуманными — я уже не говорю, христианскими — средствами. Повторяю, дело не в оправдании жестокости, а в ясном понимании того, что своим сегодняшним существованием мы, живущие в XXI веке, обязаны тем самым «советским людям», которые в 1936 году голосовали за социалистическую конституцию, а в 1945 ценой своей жизни спасали буржуазную Европу от «окончательного решения» еврейского, польского, цыганского и других расовых вопросов. Это были одни и те же люди, один и тот же народ. Это им поставлен памятник в Трептов-парке, за которым бережно ухаживают немцы — потомки их бывших врагов. Об этом не удается судить по формальному принципу «или — или». Начавшись как террористическая ленинско-троцкистская «Совдепия», Советский Союз (к изумлению самого Троцкого и возглавляемого им «четвертого интернационала»), унаследовав народную энергетику тысячелетней православной традиции, принес в середине XX века году плод победы над самой страшной антинациональной силой, когда-либо надвигавшейся на Русь в истории.

Не случайно главная «антисталинская» книга Льва Троцкого называется «Преданная революция». Бывший студент Тифлисской духовной семинарии и боевик Иосиф Джугашвили (Коба) действительно осуществил «переворот внутри переворота», начиная с прямой критики русофобских высказываний «основоположника» Энгельса [5] и кончая возвратом курса истории в университеты и праздника новогодней елки советским детям. Во введении к первому тому мы уже отмечали целый ряд символико-политических актов сталинского руководства, направленных, по сути, на восстановление изуродованной русской культуры. Характерна в этом отношении растерянно-покаянная реакция Демьяна Бедного (Придворова) на решение Политбюро (ноябрь 1936 года) о его пьесе «Богатыри», в котором говорилось, в частности, об антиисторическом и издевательском изображении в ней крещения Руси. «Ведь я привык думать — оправдывался «пролетарский поэт» — что Византия пришла к нам с крещением. А византизм было страшное для меня слово. Ведь мы с крещением получили византизм, восток. Мы повернулись спиной к Западу. Византия от Рима отошла и дала нам наиболее порочную форму христианства. (…) Форма была настолько жуткая для нас, что дала и обоготворение царской власти, дала нам московских государей. Эта идеология византизма держала нас до Октября, т.е. если византизм был прогрессивен для нас на тот момент, то потом он стал хуже для нас татарского ига, он отвратил нас на сотни лет от Запада» [6]. Ленинско-троцкистская гвардия — как во власти, так и в творческой интеллигенции — на самом деле не понимала, что происходит. «Ещё недавно непререкаемые истины Н.А.Бухарина и М.Н.Покровского вызывали теперь недоумение самим фактом своего существования. Вот что, к примеру, писала «Правда» об исторической концепции Покровского в марте 1937 года: «Можно только удивляться, как эта антинародная ересь печаталась» [6, с. 495]. А вот как описывал события 1930-х годов Г.В.Свиридов, в те годы начинающий композитор: «Тридцатые годы — неоднородные:

начало их — 31—32—33-й годы — голод по России. В литературе и искусстве торжество крайних экстремистских движений. С одной стороны — ЛЕФ, с другой — РАПП и РАМП. Гнусные негодяи и тут, и там. Травля и уничтожение Русской культуры. Разрушение церквей, уничтожение ценностей, уже никогда невосполнимых. Отмена ЛЕФа и РАППа, Горький, недолгая попытка поднять значение и роль творческой интеллигенции. Литература: Шолохов, Леонов, А.Толстой. Появление талантливых поэтов: Прокофьев, Корнилов, Васильев, Смеляков. Романтизм (поэтический). Кино «Чапаев» — лучшая советская картина, так и осталась лучшей, имевшая настоящий всенародный резонанс и успех. Стали выставляться Нестеров, Петров-Водкин, Рылов. Появление Корина. Рахманинова разрешили играть, а раньше он был под государственным запретом. С.Прокофьева перестали называть «фашистом». Интерес к Русскому (внимание к нему), возврат к классическим тенденциям» [7]. Со своей стороны, кинорежиссер И.З.Трауберг заявлял: «Советское государство становится всё более национальным и даже националистическим. Совершенно неожиданные вещи находят защиту у руководства партии» [8]. В белой эмиграции патриотический сдвиг в идеологии СССР приветствовали словом «сталинократия» [9]). Высшей точкой этого курса в сфере культурной политики стал I Съезд писателей СССР в августе 1934 года.

Таким образом, в политическом и социокультурном плане Сталину пришлось (повторяю, вопреки большевистскому фетишу мировой революции как одному из вариантов насильственной глобализации) построить нечто вроде вышеназванной «самодержавной республики» и тем самым вытянуть Россию из болота, в которую её загнали в феврале 1917 года взбунтовавшиеся кадеты и социалисты. Причем у него не было колоний и волшебных источников нефти, все приходилось делать на энтузиазме, страхе и рабском труде. При осмыслении советской истории XX столетия следует решительно отвергнуть как тупой сталинизм в стиле «культа личности», так и патологический антисталинизм в кругозоре кухонного диссидентства. В 1930-е — начале 1950 годов Иосиф Сталин был верховным главнокомандующим («красным императором») советской России, а побед без главнокомандующего и тем более вопреки ему не бывает.

Конечно, сталинская диктатура не вернула России православную Империю и русскую культуру в изначальном (аутентичном) виде. Но она существенно модифицировала богоборчески-модернистскую государственную идеологию и практику страны, создав на деле её безразличный к отдельному индивиду, предельно жесткий, но политически и эффективный «национал-большевистский» вариант. Если в первой советской (ленинско-троцкистской) Конституции 1924 года торжественно утверждалось, что «новое союзное государство послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом на пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику», то в Конституции 1936 года, в отличие от прежней, провозглашалось равноправие всех граждан, независимо от вероисповедания, социального происхождения и прошлой (т.е. дореволюционной) деятельности [10]. Тем самым фактически упразднялась базовая формула СССР как государства исключительно «диктатуры пролетариата» [11]. Как тут не вспомнить роман А.Солженицына «В круге первом», персонажи которого предлагали подвергнуть сталинскую Москву американской ядерной бомбардировке! Следуя такой логике, главным спасителем русского народа от сталинизма следовало бы признать, например, генерала Власова [11] или даже самого Гитлера, объявившего в 1941 году Советскому Союзу войну на уничтожение.

Подобную логику демонстрирует священник (! — *А.К.*) Г.Митрофанов в своей книге «Трагедия России», где едва ли не главным героем Великой Отечественной войны провозглашается предатель Власов, а воины, победившие оккультный Третий Рейх и спасшие Россию (и всех русофобов заодно) ценой собственной жизни, оказываются «носителями лжи». «Наше общество — пишет Г.Митрофанов — состоит из людей, в подавляющем своем большинстве живших во лжи, служивших злу и сейчас упорно делающих вид, что вся их жизнь проходила в служении правде. Они «служили России» — называлась ли она Советским Союзом, называется ли она Российской Федерацией, — а на самом деле эти люди, не способные вот так честно и последовательно, как генерал Власов и его сподвижники, перечеркнуть свою прошлую неправую жизнь, служили не России и служат не России, а служат только себе» [12]. Митрофанов даже изобретает чудовищный неологизм «победобесие» — это о всенародном празднике 9 Мая! Чем такой взгляд отличается от героизации бывших эсесовцев в Прибалтике и на Украине? Ещё более удивительно, что подобные мысли высказывает священнослужитель. Иной несведущий человек и впрямь может принять личную точку зрения Г.Митрофанова за позицию Русской Православной Церкви по этому вопросу. Между тем выступать от имени Церкви имеет право только её Предстоятель. Вот какую оценку современным поклонникам Власова дал Святейший Патриарх Кирилл в своем выступлении в Архангельске 24.8.2009: «Мы называем эпоху, в которой мы живем, эпохой постмодерна — такое вот слово выдумали. И наибольшим достижением этой эпохи считается свобода человека, которая ориентирована на свободный выбор. Человек сам является автономным носителем окончательных решений, что́ есть добро, а что́ — зло. Время от времени у нас вспыхивают общественные дебаты по поводу значения Великой Отечественной войны, и некоторые утверждают, что выбор тех людей, которые стали сотрудничать с немцами, которые пошли во власовскую армию, вполне правомерен: “Это был их выбор, они свободны. Человек свободен определять, с кем он. Вот и выбрали эти люди не защиту Родины, а борьбу со своей Родиной вместе с оккупантами”. Наивные люди, воспитанные в традиции, говорят: “Да как же так можно! Да постыдитесь вы греха, да ведь они же предатели!” А им отвечают: “А что такое предатели? Это свободный выбор человека”. Сегодня у нас разные точки зрения, сегодня у нас плюрализм мнений, и свободный, самодостаточный человек и определяет, что такое добро, а что такое зло <…> Так постепенно

размываются границы между добром и злом. А почему это происходит? А потому, что человечество утрачивает понятие греха. Сегодня, отталкиваясь от идеи человеческой свободы и альтернативного поведения, поддержанного современной псевдокультурой, мы укореняемся в сознании того, что любой человеческий выбор правомерен. Понятие нравственности исчезает: я сам себе голова, я сам определяю, что нравственно, а что безнравственно».

Как видим, патриаршее осмысление этих событий — и вообще русской истории и культуры, включая сталинский период — решительно противостоит попыткам превратить Россию середины XX века в «черную дыру», отождествив её с красным ГУЛАГом. Правы те аналитики, которые подчеркивают, что при всей чудовищности обоих режимов — фашистского (гитлеризм) и советского (ленинизм-троцкизм-сталинизм — «оба хуже») существовала сущностная разница между ними: первый ориентировался на биолого-мистическое господство сверхчеловеческого вида «белокурая бестия», опираясь при этом на оккультизм гностического типа и приговаривая остальных «недочеловеков» к смерти — тогда как второй стремился в идеале к всеобщей солидарности людей труда. И Рузвельт с Черчиллем и Де Голлем очень хорошо отличали имперский проект Сталина от нордического мифа Гитлера, однозначно предпочитая советскую Россию и образовав с ней вместе Организацию Объединенных Наций. И приговорили своих «заслуженных коллаборационистов» к смертной казни. И столицы Европы весной 1945 года встречали советские танки цветами.

Истоки советского национал-большевизма глубоки и восходят к деяниям Петра Великого. «Родоначальник ты советов, ревнитель ассамблей…» — приговорила его однажды Марина Цветаева. После петровской реформы / революции страна как бы разделилась на две неравные части. Часть интеллигенции («образованщина», по слову Солженицына) начала думать о своей стране по-немецки или по-французски и мечтать, чтоб «всё было, как в Европе», не отдавая себе отчета в том, что она имеет дело с другой цивилизацией. Даже деревенская дворянская девушка Татьяна Ларина «по-русски плохо знала, журналов наших не читала и изъяснялася с трудом на языке своем родном». Как писал уже в начале XX века Петр Струве, «Россию погубила безнациональность интеллигенции, единственный в мировой истории случай забвения национальной идеи мозгом нации» [13]. К слову, Ленину принадлежит не менее критическая квалификация этого мозга…

Примерно о том же говорит антикоммунист И.А.Бунин в «Окаянных днях», приводя свой диалог с одним из «февралистов»:

«9 марта *(1918 г. — А.К.)*

Нынче В.В.В. ... понес опять то, что уже совершенно осточертело читать и слушать:

— Россию погубила косная, своекорыстная власть, не считавшаяся с народными желаниями, надеждами, чаяниями... Революция в силу этого была неизбежна...

Я ответил:

— Не народ начал революцию, а вы. Народу было совершенно наплевать на все, чего мы хотели, чем мы были недовольны. Я не о революции с вами говорю — пусть она неизбежна, прекрасна, всё что угодно. Но не врите на народ — ему ваши ответственные министерства, замены Щегловитых Малянтовичами и отмены всяческих цензур были нужны как летошний снег, и он это доказал твердо и жестоко, сбросивши к черту и Временное правительство, и Учредительное собрание, и “всё, за что гибли поколения лучших русских людей”, как вы выражаетесь, и ваше “до победного конца”».

Ай да Бунин! Кстати, не менее яростный антикоммунист А.И.Солженицын в принципе придерживался сходного взгляда на роковой «февральский узел», потому и закончил им свою эпопею «Красное колесо».

Однако нет худа без добра. Благодаря разделению отечественной культуры на «господскую» (европеизированную) и крестьянскую («низовую») именно *большой народ* оказался в России носителем национальной духовной традиции, оставив *малому народу* Арину Родионовну и сетования по поводу «проклятого французского воспитания». Проще говоря, народ сохранил свою (а частью и «господскую») православную душу и продолжал отличать правое от левого даже тогда, когда прогрессивная интеллигенция начала рисовать черные квадраты вместо икон или признаваться в стихах, что любит смотреть, как умирают дети. *То, что сделалось для вестернизированной (особенно творческой) интеллигенции нормой, большинством народа воспринималось (и до сих пор воспринимается) как антинорма, как грех.*

Тайный Крест против явного насилия (красного меча) и скрытого богатства (мирового золота) — вот короткая формула Советской России как метафизической, социальной и культурной реальности. Российская интеллигенция соблазнилась первой, взяв из западных католическо-протестантско-масонских рук плоды апостасии, — и сотворила из них очистительное страдание во имя неизвестного ей Бога. Со своей стороны, русский народ в условиях навязанной ему мировой войны впал в состояние черни, искусился «землей и волей» — но уже в годы гражданской смуты фактически подхватил упавшее из рук петербургской монархии знамя Третьего Рима—Нового Иерусалима (опять-таки в чуждых ему искони формах марксистского хилиазма). Святая Русь, не удержавшись на поверхности истории, ушла в глубину, но и оттуда продолжала невидимо определять земные пути Отечества. Противопоставлять Россию СССР — почти то же самое, что противопоставлять петербургскую «рабовладельческую империю» соборной монархии московской Руси. Народная традиция требовала сакральной персонификации власти и общенародной высокой цели — и в лице «вождя народов» получила их. На уровне национального архетипа сам народ[1] заставил сталинское руководство отказаться от глобалистских левых утопий в обществе и культуре, вернув их на отечественную почву в прямом

и переносном смысле слова. *Национал-большевизм оказался своего рода религиозной ересью, которая, тем не менее, сохранила у русского народа способность веры, сам «орган» веры*. В отличие от просвещенных европейцев XX века, считавших себя христианами, но в жизни твердо исповедовавших религию рынка, советские / русские люди под знаменами воинствующего материализма и официального атеизма продолжали жить не по выгоде, а по вере. Как заметил в 1918 году Андрей Белый, в стране победившего материализма первым делом исчезла материя, а любая практическая задача поднималась на уровень священного действа. *В таком плане Октябрь 1917 года может быть квалифицирован как искупление предательства Февраля, а Отечественная война и Победа 1945 года — как искупление Октября*. Дух дышит, где хочет. Вот характерные слова бывшего царского генерала -- персонажа философского полилога С.Н.Булгакова «На пиру богов» (лето 1918 г.): «Россия есть царство или же её вообще нет. Этому достаточно научило нас Смутное время. Этого не понимали только тупоголовые самодовольные «вожди» (интеллигенты-либералы — *А.К.*), которые самоуверенно расположились после февраля в министерских креслах, как у себя дома. Но пришли другие люди, менее хитроумные (большевики — *А.К.*), и без церемонии сказали: позвольте вам выйти вон. Ну, иных и помяли при этом — без этого перевороты не обходятся. А я вам скажу — и отлично сделали. Уж очень отвратительна одна эта мысль об «окадеченной», конституционно-демократической России. Нет, уж лучше большевики «style russe», сарынь на кичку! Да из этого ещё может и толк выйти, им за один разгон Учредительного собрания, этой пошлости всероссийской, памятник поставить надо. А вот из мертвой хватки господ кадетов России живою не выбраться б!» [14].

Сбылось предвидение Лермонтова: настанет год, России черный год, когда царей корона упадет. Сбылись и пророчества Константина Леонтьева относительно того, что династия Романовых, скорее всего, сама уступит престол ради чаемого умиротворения Отечества. Архиепископ Иоанн (Шаховской) утверждал, что не большевизм, а именно православие опалило русский народ. И исход гражданской войны, и идея смерти за «светлое будущее», и воинствующий атеизм, больше похожий на превращенную веру, чем на цивилизованное равнодушие, и массовый (отнюдь не только пропагандистский) порыв пятилеток, и, конечно, знамя России-СССР над столицей фашистской Германии — все это не оставляет сомнения в рождении в России в XX веке колоссального национального мифа, сложившегося на святом месте внешне отброшенного православия путем его тайного, но мощного сопротивления на всех «этажах» русско-советской жизни и культуры.

Сталинский режим был тираничен и кровав. На начало революционной жестокости — социально-классовой войне в России — было положено не им. Ещё декабристы планировали вырезать всю царскую семью, а некоторые народы отправить пешком в едином строю в Палестину. Террористы-народовольцы вели системную охоту за царем-освободителем и взорвали его накануне подписания проекта конституции, а их наследники-эсеры не успокоились, пока не разорвали на части бомбой генерал-губернатора Москвы. В 1905—1907 годах от рук «освободителей»-бомбистов погибли более 10 тысяч человек, в том числе наиболее верных и дееспособных государственных служащих. Ленин, Троцкий и Дзержинский развязали всеобщую гражданскую войну, стоившей жизни примерно 10 миллионам людей, а более 2-х миллионов было выброшено за границу. Красный и белый террор в этой войне и после неё соперничали друг с другом. Сталин был таким же «магистром ордена меченосцев», как и другие члены большевистского ЦК, но разница между ними заключалась в том, что последние вместе с либерал-кадетами и социалистами *разрушали* Православное Царство (хотя и собрали его впоследствии — вопреки собственному «единственно верному учению» — в виде РСФСР), а генсек их партии неожиданно начал *восстанавливать* под красными знаменами имперскую Россию, включая некоторые важные её духовные и культурные скрепы. При этом он не щадил и многих своих бывших соратников по революционному подполью, чего до сих пор ему не могут простить их потомки. Революции, как известно, пожирают собственных детей.

Идеология властвующей ленинско-троцкистской политической и культурной элиты 1920-х годов относительно русской духовной традиции образно сформулирована в стихах некоего В. Александровского: «Русь! Сгнила? Умерла? Подохла? Что же! Вечная память тебе. Не жила ты, а только охала в полутемной и тесной избе» [15]. Однако в национал-большевистской культуре следующих двух десятилетий презренная «Расея» (которую «лучше было б не спасать», по мнению стихотворца Д.Алтаузена) предстала Великой Русью в строках государственного гимна, а поэты стали гордиться тем, что «русская мать нас на свет родила» (К.Симонов). В 1943 году были возвращены священники из лагерей и восстановлено патриаршество, а в 1945 году зоркие люди разглядели над поверженным рейхстагом за красным флагом православный Крест. И тут уже недалеко было до русской атомной бомбы и первого человека в космосе.

Всё это означает, что Русь не погибла ни с Петром, ни с Лениным, ни со Сталиным. Известны слова Пушкина, адресованные Чаадаеву: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю кроме той, которую нам Бог дал». На основе вышеприведенного — хотя и по необходимости краткого — анализа позволительно заключить, что Русь-Россия во всех своих исторических формах — от царской до советской — так или иначе, с большим или меньшим успехом, исполняла роль Удерживающего на нисходящих путях истории. Именно такое (инволюционное) направление историко-культурного процесса предсказано в Писании. Можно предположить, что назначение Святой Руси и состоит в замедлении, «задержании», как сказал бы К.Н.Леонтьев, подобного сползания мирового социокультурного «человейника» вниз, ко всё более темным (вплоть до инфернальных) уровням постхристианской цивилизации [16].

Сталин не был убийцей русского народа или его спасителем. Он был тем и другим одновременно. Это была страшная и великая эпоха — в том числе в области культуры. «Так это было за земле» (А.Твардовский).

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант РФФИ № 15-04-00093).

Примечание

1. Стоит отметить, что по всесоюзной переписи 1937 года более 42% процентов опрошенных назвали себя православными христианами — вопреки всем казням и ссылкам. Причем перепись была не анонимной: каждый называл своё имя.

1. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. Т. 1. М.,1972. С. 394.
2. Кавелин К.Д. Разговор с социалистом-революционером // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 436, 441.
3. Ильин И.А. Русская идея. М., 1992. С. 436.
4. Струве П.Б. Национальный эрос и идея государства // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004. С. 242.
5. Сталин И.В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. № 9. С. 1-5.
6. РГАСПИ.Ф.17.ОН 120.Д257.Л.32. Цит. по: Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. — 1991). М., 2015. С. 499.
7. Свиридов Г.В. Музыка как судьба. М., 2002. С. 209-210.
8. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953. М., 2002. С. 415.
9. См. одноименную статью выдающего русского мыслителя Г.П.Федотова в его книге «Судьба и грехи России»: В 2 т. СПб., 1992. Т. 2. С. 83.
10. Конституция и конституционные акты Союза ССР (1922—1936). М., 1940. С. 189.
11. Подробно см. об этом: Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. — 1991). С. 502-505 и др.
12. Митрофанов Г. Трагедия России. Запретные темы XX века. СПб., 2009. С. 156.
13. Струве П.Б. Размышления о русской революции // Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 272.
14. Булгаков С.Н. На пиру богов // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 305.
15. Правда. 1925. 13 августа.
16. Подробнее о затронутых проблемах см.: Казин А.Л. Последнее Царство. Русская православная цивилизация. Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго. СПб., 1998. 140 с.; Казин А.Л. Уроки русского. СПб.: Алетейя, 2016. 376 с.

References

1. Gegel’ G.V.F. Raboty raznykh let: V 2 t. T. 1. M.,1972. S. 394.
2. Kavelin K.D. Razgovor s sotsialistom-revolyutsionerom // Kavelin K.D. Nash umstvennyy stroy. Stat’i po filosofii russkoy istorii i kul’tury. M., 1989. S. 436, 441.
3. Il’in I.A. Russkaya ideya. M., 1992. S. 436.
4. Struve P.B. Natsional’nyy eros i ideya gosudarstva // Natsiya i imperiya v russkoy mysli nachala KHKH veka. M., 2004. S. 242.
5. Stalin I.V. O stat’ye Engel’sa «Vneshnyaya politika russkogo tsarizma» // Bol’she-vik. 1941. № 9. S. 1-5.
6. RGASPI.F.17.ON 120.D257.L.32. TSit. po: Patriotizm i natsionalizm kak faktory rossiyskoy istorii (konets KHVIII v. — 1991). M., 2015. S. 499.
7. Sviridov G.V. Muzyka kak sud’ba. M., 2002. S. 209-210.
8. Vlast’ i khudozhestvennaya intelligentsiya. Dokumenty TSK RKP(b), VCHK — OGPU — NKVD o kul’turnoy politike. 1917—1953. M., 2002. S. 415.
9. Sm. odnoimennuyu stat’yu vydayushchego russkogo myslitelya G.P.Fedotova v ego knige «Sud’ba i grekhi Rossii»: V 2 t. SPb., 1992. T. 2. S. 83.
10. Konstitutsiya i konstitutsionnyye akty Soyuza SSR (1922—1936). M., 1940. S. 189.
11. Patriotizm i natsionalizm kak faktory rossiyskoy isto-rii (konets KHVIII v. — 1991). S. 502-505.
12. Mitrofanov G. Tragediya Rossii. Zapretnyye temy KHKH veka. SPb., 2009. S. 156.
13. Struve P.B. Razmyshleniya o russkoy revolyutsii // Struve P.B. Izbrannyye sochineniya. M., 1999. S. 272.
14. Bulgakov S.N. Na piru bogov // Iz glubiny. Sbornik statey o russkoy revolyutsii. M., 1991. S. 305.
15. Pravda. 1925. 13 avgusta.
16. Kazin A.L. Posledneye TSarstvo. Russkaya pravoslavnaya tsivilizatsiya. Izd. Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya po bla-gosloveniyu Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya Vtorogo. SPb., 1998. 140 s.; Kazin A.L. Uroki russkogo. SPb.: Aleteyya, 2016. 376 s.

Kazin A.L. Social and national in the Soviet culture of the 1930s — 1940s. When thinking about the Soviet history of the twentieth century, both blunt Stalinism in the style of the “cult of personality” and pathological anti-Stalinism in the style of kitchen dissidence should be decisively rejected. Of course, Stalin's dictatorship did not return to Russia the Orthodox Empire and Russian culture in its original (authentic) form. However it significantly modified godless modernist early Soviet ideology and practice, creating in reality indifferent to the single individual, extremely tough, but the state and culturally effective “national Bolshevik” option. The fruits of this policy were the Victory of 1945 and the biggest achievements of science and culture of the Mature USSR.

Keywords: Soviet culture of the 1930s, Christianity, art, social and national.

Сведения об авторе. А.Л.Казин — доктор философских наук, профессор, директор Российского института истории искусств (РИИИ РАН), заведующий кафедрой искусствознания Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения» (СПбГУКиТ); alkazin@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 25.03.2018.